

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.08

УДК 004.738.5:316

Правильная ссылка на статью:

Колозариди П.В. Утопия и идеология в исследованиях Интернета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 144-158

For citation:

Kolozaridi P.V. Utopia and ideology in the internet studies // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 5. P.144-158

П.В. КОЛОЗАРИДИ

УТОПИЯ И ИДЕОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНТЕРНЕТА

УТОПИЯ И ИДЕОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНТЕРНЕТАUTOPIA AND IDEOLOGY IN THE INTERNET
STUDIES

*КОЛОЗАРИДИ Полина Владимировна – аспирантка кафедры анализа социальных институтов факультета социальных наук НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия.
E-mail: poli.kolozaridi@gmail.com.
ORCID: 0000-0001-5213-0235*

*KOLOZARIDI Polina Vladimirovna – Postgraduate student, Chair of Analysis of Social Institutions, NRU-HSE Faculty of Social Sciences; Junior Researcher, NRU-HSE Laboratory for Political Studies, Moscow, Russia.
E-mail: poli.kolozaridi@gmail.com.
ORCID: 0000-0001-5213-0235*

Аннотация. Статья представляет результаты изучения утопических дискурсов в организациях, занимающихся исследованием Интернета. Автор проводит исторический и концептуальный анализ утопических, антиутопических и идеологических нарративов, связанных с технологиями. В частности, выявляются политическая роль утопий и идеологий и возможности их развития и трансформации. Анализ теоретических источников соотносится с хронологией развития организаций, связанных с Интернетом. Вопрос исследования заключается в том, как нарративы, связанные с утопиями, антиутопиями и идеологиями, проявляются в программах исследований в организациях, которые изучают Интернет и общество. Выявляется, что с развитием Интернета и самих организаций происходит изменение институциональных форм и утопических нарративов. Также обнаруживается, что различие утопии, антиутопии и идеологии в истории технологий связано с историей развития технологий. Утопические идеалы

Abstract. The article presents the results of the study devoted to the utopian discourse in the Internet research organizations. The author outlines historical and conceptual analysis of utopian, anti-utopian and ideological narratives related to technologies. In particular, a political role of utopias and ideologies and possibilities of their development and transformation are described. The analysis of theoretical sources correlate to the chronology of the development of the organizations related to the Internet. The research objective consists in comprehending how utopia-, anti-utopia- and ideology-related narratives show themselves in research programs of organizations studying the Internet environment and society. The study reveals that the development of the Internet and organizations shapes institutional forms and utopian narratives. The difference between utopia, anti-utopia and ideology refers to the history of technology. Utopian ideals turn out to be desecrated by ideologies of states and corporations. The desecration concept and the related search for earlier

оказываются «осквернены» идеологиями государств и корпораций. Эта идея «осквернения» и связанная с ней идея поиска прежней утопии, представлены в исследовательских программах. Развитие утопий и идеологий продолжается по сей день, организации легитимируют себя, обращаясь к утопиям, берущим начало в идеалах и опасениях, возникших в 1960-е гг.

Ключевые слова: утопия, идеология, технология, Интернет

utopia are presented in research programs. The development of utopia and ideology concepts is underway now; the organizations legitimate themselves using utopias going back to ideals and anxiety of the 1960s.

Keywords: utopia, ideology, technology, Internet

Как-то ранней весной, в марте, в небольшом калифорнийском городе Бёрлингеме проходила конференция по компьютерам, свободе и приватности – «Annual Conference on Computers, Freedom and Privacy». На ней обсуждались такие вопросы, как легальность обращения государства с персональными данными граждан, взаимоотношения США и Европы по вопросам контроля данных пользователей, социальная ответственность в информационную эпоху. Одним из докладов конференции стала балада [Thakerey, 1991]¹, представляющая собой поэтическую метафору развития Интернета. Наверное, именно по этому возвышенному факту проницательный читатель может догадаться, что эта конференция – не из сегодняшнего дня. Она состоялась в 1991 г., когда во многих странах само понятие «Интернет» еще не было известно. С тех пор конференция проходит ежегодно, но балад на ней уже не слагают.

Формирование технологий происходит в тесной связи с социальными условиями, в которых они возникают [Egde, 1995; Pinch, Bijker, 1984]. На этот процесс влияет множество факторов: отношения власти, организация труда, биографии их создателей, экономические отношения и т.д. Можно выделить также утопические и антиутопические идеи, являющиеся частью и биографий, и социального контекста, и языка описания, в котором развиваются технологии и варятся их создатели. А можно ли описать технологий без влияния утопизма? И может ли быть от него свободен академический исследовательский дискурс²? А если утопическое воображение влияет на развитие технологий, может быть, оно влияет и на язык социальных наук, исследующих эти технологии?

Утопические, антиутопические и идеологические свойства Интернета и дискурса об Интернете – предмет постоянной научной рефлексии и регулярных дискуссий. Этим темам посвящаются научные [Wellman, 2004; Paracharissi, 2002] и публицистические тексты [Turner, 2010; Morozov, 2012]. Есть основания предполагать, что актуальность этого вопроса определяется *политическим значением* технологий, поскольку утопические идеи тесно связаны с областью политического. Иными словами, утопии неизменно включают идеологическую составляющую, так как и позитивные, и негативные утопии непременно

¹ Балада Гейла Теккеря об электронном фронтире посвящена тому, как вырабатываются нормы взаимодействия в онлайн-пространстве: «...закон значит баланс и обмен, справедливость и забота об индивидуальном пространстве. Означает ли это уменьшение свободы?» [Thakerey, 1991: 217].

² Это предположение, впрочем, тоже утопично, поскольку имеет в виду, что наука представляет объективный и очищенный от позиции наблюдателя взгляд на феномены. Поэтому наш вопрос обращен к сопоставлению утопий, касающихся технологий, с утопиями, которые проявляются в академическом языке и институтах.

претендуют на *политическую значимость*. Наша гипотеза состоит в том, что технологический бум, начавшийся в 1960–1980-е гг. и продолжающийся по сей день, не просто привел к развитию новых технологий и расширению их возможностей: эволюция сред, в которых возникали технологические разработки, зависит от утопического мышления, мотивируется и стимулируется утопическими или антиутопическими образами будущего.

Технологическая утопия повлияла и на формирование исследовательских направлений в науке, и на развитие научных институтов. Каким же образом утопические идеи проявляются в повестке научных институций? Сфокусируемся на одном типе технологий, активно развивающихся сегодня, и на одном типе исследовательских организаций, основная тема которых – изучение Интернета и общества. Сопоставим историю утопических идей в отношении Интернета и IT-технологий и историю институционализации Internet Studies и парадигмального оформления исследований Интернета.

Мы основываемся на нескольких теоретико-методологических направлениях: во-первых, это тезисы социального конструктивизма, во-вторых, теория утопии, в-третьих, история идей. Однако наше предположение о том, что ученые могут представлять не только рациональный взгляд на технологию, в данном случае базируется не на тезисах сильной программы, поскольку она не позволяет развернуть диалектику процесса, его временную протяженность и изменчивость. Более уместной нам кажется идея, которую предлагает Дж. Александер в статье «Сакральная и профанная информационная машина». Он утверждает, что дискурс о технологиях наследует и воспроизводит оппозицию сакрального и профанного, представляя технику как спасительную или же как губительную (что соответствует положительной и негативной утопии – дистопии). Мы предполагаем, что в научном дискурсе можно проследить данное преобразование от сакрального к профанному, согласно которому в дискурсе об Интернете формируется и формулируются свои предмет и объект.

Основанием для постановки вопроса во многом послужили тексты, отражающие изменения в самом поле исследований Интернета. В первую очередь это работы Барри Веллмана [2004] и Уильяма Даттона [2013]. Веллман развивает мысль о том, что утопия – это черта исследований Интернета, которые только начинают развиваться (первая эпоха). Затем, по его мнению, эмпирические исследования делают это поле более обоснованным, и утопические идеи сменяются разными методологическими подходами. На наш взгляд, утопические идеи развиваются в исследованиях в течение всех периодов, и методологическая насыщенность не отменяет развития этих идей, а скорее, наоборот, способствует ему.

В нашем исследовании используются методы исторической социологии и обоснованной теории. Это устоявшийся подход к таким темам, аналогично, например, анализируется профессионализация феминистских исследований [Silius, 2012]. В работах такого рода определяются дисциплинарные границы и историческая последовательность появления институтов [Keskinen, Silius, 2005], а в их основании лежат идеи о социальном конструировании науки [Krebs, Wenk, 2005], а также о роли внешних факторов в развитии институтов [Clemens, 2003].

Методология и данные

При подготовке статьи мы опирались на материалы исследования «Кто, как и зачем изучает Интернет», проведенного в 2013–2014 гг. в рамках программы Центра изучения

Интернета и общества³. Была собрана подробная база данных о мировых исследовательских центрах, изучающих Интернет и общество. В расчет не принимались только технологические исследовательские организации или узкопрофильные исследовательские группы, которые изучают, например, онлайн-образование.

Поиск происходил двумя методами. Сначала методом «снежного кома» выявлялись организации, состоящие в ассоциациях, связанных с изучением Интернета. Когда были собраны первые 80 организаций, мы обратились к участникам Ассоциации исследователей Интернета, которые восполнили пробелы этого списка. Итоговая выборка составила 116 исследовательских центров.

С помощью обоснованной теории [Штраус, Корбин, 2001; Штейнберг и др., 2009; Ньюман, 1998] мы описали тематические поля и выявили основные темы. Затем исследовательские центры были объединены в кластеры по темам и времени основания. Мы использовали имеющуюся информацию для исторического анализа топиков-утопий, связанных с Интернетом, и сопоставляли ее с появлением аналогичных по времени институтов. Основной трудностью для анализа стало колоссальное разнообразие тем, которые исследовательские организации обозначали как сферу их предметного интереса. Дело в том, что исследователей объединяют только методы и подходы, но общего языка описания предмета их исследований пока нет. Media studies, networks, data mining, human-computer interaction, Internet policy, art – самые распространенные темы, которые встречаются, не соотносясь друг с другом, хотя содержание исследовательских программ внутри них может как пересекаться, так и быть резко различаться.

Разумеется, когда открывается новый исследовательский центр, старые продолжают действовать, поэтому по этой классификации можно понять, когда оформился научный интерес к тому или иному явлению. Нельзя исключить и того, что в некоторых крупных организациях изучается сразу множество тем, причем каждая из них, уйдя однажды, может вернуться в фокус исследователей через некоторое время.

До 1990 г.: предпосылки рассмотрения Интернета как утопии

По мнению В. Чаликовой, методологическая природа утопии и антиутопии едина, поскольку дистопия – это форма опасений безнадежности, проистекающих не столько из возможностей технологий для формирования будущего, сколько из анализа природы настоящего, в котором утописты вычлениют смыслоносные элементы, которым суждено развернуться в будущем. Именно поэтому технологическая утопия вызывала как технологическую антиутопию, так и своего рода теодицею – вызов антиутопии. «Основной рычаг изменений – новая техника и в первую очередь электроника, их главный объект – человеческое поведение» [Чаликова, 1984], которое с помощью разных технологических ухищрений и даже физиологических манипуляций становится менее непредсказуемым и таинственным и в большей степени поддается программированию и управлению. В размышлениях антиутопистов, пишет Чаликова, мировая сверхкультура будущего предстает своего рода меритократическим адом: если научно-техническая рационализация есть универсальный процесс, то его апофеозом является организация под неограниченной

³ В проекте также участвовали студенты факультета социологии НИУ ВШЭ Ксения Антонова, Алёна Баранова, Александр Ильин и Таисия Киракосова.

духовной диктатурой интеллектуалов. Безусловно, это один из вариантов разворачивания технологической утопии, но важно подчеркнуть, что многие исследователи отмечали глубокое изменение утопии в постиндустриальной эпохе: «Утопии теперь – не политическая поэзия, а рациональное исследование; не упражнения в понимании человеческой природы, а инструменты действия, направленные к универсальной реализации» [Brown, 1972: 29].

Утопия Интернета – это не начало, а очередной этап истории, в некотором смысле перенявший у других технологий роль воплощения трансформаций. В начале XX в. писали о технологиях в связи с возникновением большого города, автомобилей и самолетов [Гумбрехт, 2013]. В тот же период появляются (не первые, но связанные с технологиями) литературные утопии, рассказывающие о том, как в мире всеобщего доступа к знаниям возникают более совершенные формы обмена и общественной жизни в целом. Идеи преобразования общества на основе, например, кибернетических технологий вторят этой линии. Одни опираются на идею кибернетики Норберта Винера [Винер, 1983], другие – на социалистические утопии. В то же время, т.е. с начала XX в., создаются антиутопические образы технологий. В отношении технологий антиутопии и критика идеологии очень близки, разделяясь главным образом способом описания и статусом в культуре.

В первую очередь идеология – это критическая теория и марксистские интерпретации технологий как машинерии господства [Маркузе, 2011; Мэмфорд, 1986]. Впрочем, марксистские интерпретации также включают представление о технике как о положительном явлении [Simondon, 2011] или же связывают прогресс с акселерационизмом, т.е. с ускорением развития капитализма, которое должно приблизить его крушение.

Технологию представляют неотъемлемой частью идеологии, поскольку обе они связаны с рационализацией, подчинением и ростом предсказуемости подчинения, когда «рациональная иерархия сплавляется с общественной» [Хабермас, 2007]. Эти направления существовали в философии и общественных науках еще на начальном этапе развития информационных технологий, когда появились первые компьютеры. К тому времени, как появился Интернет, уже существовали достаточно разработанные теории, связывающие общественные отношения и технологии. Были ли эти теории укоренены в институциях, которые создавались в связи с новыми медиа и технологиями?

На раннем этапе формирование среды исследовательских организаций было связано с производством и инженерными разработками в сфере IT. Вопрос о связи технологий и социальных изменениях оказывается частью этого процесса, однако ему отводится скорее вспомогательная роль. При этом сам факт изучения технологий еще до их появления делает эту работу частью гуманитарного дискурса, в первую очередь посвященного будущему [Колозариди, Ульданов, 2015].

До 1990 г. были основаны 12 исследовательских центров, среди них – корпоративные центры исследований (IBM и Yahoo), организация при Министерстве безопасности США (The Networking and Security Group), институты, связанные с сетевым анализом (Web Science и International Network for Social Network Analysis), центры, связанные с медиа, инновациями, производством и искусством (Institute for the Unstable Media, InfoMus Lab, The MIT Media Lab, Department of Human Centered Design & Engineering (HCDE), The Center for the Sociology of Innovation (CSI)). Также были созданы независимые междисциплинарные центры – The Institute of Computing Technology (Китай) и Institute of Communications Studies (Великобритания).

В темах исследовательских центров до возникновения Интернета можно выявить два доминирующих направления:

- прикладные исследования, посвященные более общим, институционально укорененным темам, например, лингвистике, базам данных и сетям распространения информации;
- центры разработки и развития технологий, в которых одновременно разрабатываются программы, устройства и изучается их действие на отдельного пользователя. К этой категории относятся и организации при корпорациях, и те, что связаны с медиа, инновациями и искусством.

Эти направления достаточно сложно оценивать в их связи с утопиями и идеологиями, поскольку за время деятельности перечисленных организаций направленность и предмет менялись. Декларировавшиеся в тот период цели, темы и подходы сейчас недоступны для полноценного анализа. Организации возникают в основном вокруг прикладных (а также военных) и коммерческих институций. Главная цель социальных и гуманитарных исследований в этот период – быть частью процесса развития инноваций.

1990–1999 гг.: появление Интернета как начало воплощения утопии

В течение следующего десятилетия Интернет проникал во все новые социальные общности и профессиональные группы. Он укоренялся в повседневности, и во многих особенностях его развития исследователи видели ранее предсказанные эффекты. Например, в 1995 г. Говард Рейнгольд пишет знаменитую книгу о виртуальном сообществе [Rheingold, 1995], в 1996 г. Тим Бернерс-Ли объясняет, как сети соединят людей и вещи, что одновременно несет угрозу приватности и способствует отмене авторского права [Berners-Lee, 1996].

Наравне с центрами, которые продолжают развивать темы, начатые в предыдущий период (например, The School of Information Studies, Interdisciplinary Research Unit in Web Science, KDDI R&D и т. д.), появляются центры нового типа:

- исследовательские центры при университетах: UMSI (University of Michigan School of Information), University of Kentucky;
- тематические центры, посвященные праву: Internet Chinese Legal Research Center;
- исследования пользователей Интернета и онлайн-исследования (Pew Internet Project, govcom.org). Частично к ним можно отнести и центры изучения Интернета⁴, возникшие в 1999 г.: Unit for Internet Studies (UIS), International Center for Advanced Internet Research, Internet Interdisciplinary Institute (IN3). Преимущественно они связаны с количественными онлайн-исследованиями и появлением первых онлайн-опросов;

⁴ В названиях исследовательских программ все больше утверждается термин «Internet Studies».

- организации и программы, связанные с крупными проектами, посвященными тематике информационного общества, например, The Center for Information Society Research.

Именно в этот период Интернет становится фактическим объектом научного исследования. Развиваются направления, которые напрямую не связаны с разработкой и внедрением технологий. Начинает воплощаться то, что Дэвид Най описывает как реал-топию. Это часть цикла, которая начинается с утопии (абстрактных ожиданий и столь же абстрактных преувеличенных опасений по поводу технологии и ее влияния на общество). Затем, когда технология уже становится частью повседневности, а утопические предположения не реализуются, возникает разочарование, так называемая реал-топия (real-topia). После этого настает время нос-топии – ностальгии по тем возможностям, которые были до того, как технология стала частью обыденной реальности [Nye, 2004].

2000–2006 гг.: развитие оппозиции утопия–идеология

В течение первой половины 2000-х гг. происходит качественно иное развитие исследовательских организаций. Если прежде исследования по широкой IT-тематике и непосредственно Интернета рассматривались преимущественно как аналитический инструмент, помогающий реализовать технологические новшества, теперь появляется еще одно, новое, направление. Оно фокусируется на изучении *последствий* от внедрения технологий, и здесь уже открыто ставится вопрос о том, как Интернет и общество влияют друг на друга.

Основная тенденция этого периода – возникновение организаций, которые задаются вопросом: «Что происходит в Интернете?». Сеть рассматривается как объект полноценного исследования, а не только статистического описания. Оказывается, существуют специфические сетевые явления, и для их изучения нужны организации со своим, специализированным набором компетенций и экспертизы. В это время институционализируются понятия кибербуллинга, сетевых культур, социальных медиа. Начинает обсуждаться необходимость отдельных управленческих и политических программ, связанных с Интернетом. Появляются Cyberbullying Research Center, The Institute of Network Cultures, Harvard's Program on Networked Governance, The Center for Information Technology Policy, E-Business and Web Science Research Group, Infoscape Research Lab (Centre for the Study of Social Media). ICT Africa начинает развивать политику, главный посыл которой – рассматривать Интернет как глобальное благо, равнозначное на всех континентах.

Институциональная особенность первой половины 2000-х гг. – появление центров при крупных университетах (Annenberg Networks Network, The Center for Internet and Society в Стэнфорде, Oxford Internet Institute, Citizen Lab, University of Toronto, Princeton University), а также в крупных корпорациях (Google, Yandex research).

Исследовательские центры возникают за границами американского и европейского контекста, например, Web Mining Lab (Hong Kong), The Center for Technology & Society Brazil, Research ICT Africa, Singapore Internet Research Centre.

В качестве темы исследования появляется изучение пользователей: Users Award Living Lab, Virtual Human Interaction Lab, The Online Interaction Laboratory (TOIL). Эти центры связаны

и с разработкой интерфейсов, однако в сравнении с ранними центрами, где IT-инженерия и исследование были неотделимы друг от друга, в данном случае фигура пользователя стоит в центре исследовательских проблематизаций. Фокус смещается на идеологизированное направление, в котором появляется новый актер, взаимодействующий с технологиями, – пользователь. Поворот к пользователю связан с более общим трендом – расширяющейся прагматизацией. Интернет начинает осмысляться в качестве услуги. Это осмысление в целом несет на себе существенный отпечаток позитивного утопизма предшествующего периода, но пользователя необходимо обучить, повысить его компетентность (грамотность) и в то же время вовлечь (маркетинг). Власть утопии – это власть символа, имеющего «сказочную» природу. И если Интернет становится композицией «благо + услуга», то инженерный подход начинает проецироваться не только на IT-среду, но и на пользователя как на особую социальную роль, предлагая ему «погрузиться в сказку».

Одновременно развивается еще один сюжет с выраженными утопийными мотивами – идея развития сообществ, активистов и гражданских инициатив, которые расширяют свои возможности с помощью новых медиа и технологий, а также благодаря сетевым инициативам. Он представлен в публикациях Citizen Media at Manchester, Internet and Activism Lab, The MIT Center for Civic Media.

С развитием Интернета в текстах исследователей разыгрываются сюжеты битвы между добром и злом, героями-инноваторами и жадными дельцами, коммодифицирующими все нематериальные блага, которые может дать людям Интернет. «Интернет-культура развивалась в 1970-е и 1980-е в достаточно закрытом академическом сообществе, и несколько отщепенцев, выпавших из университетского мира (хакеры), пытались заниматься компьютерами сами по себе. Культура хакеров была, очевидно, в чем-то схожа с контркультурой хиппи и тем, как представляли себя Арпанавты (люди, причастные к протоинтернету, сети ARPA. – прим. П.К.). <...> Так утопия стала идеологией, отчасти маскирующей реальность, но и обладающей мобилизующей силой» [Flichy, 2004: 6–8]⁵.

Утопия и идеология – это оценочные понятия, даже когда мы говорим о научных текстах. Утопия обозначает нечто объективно возникающее, но не всегда вполне реализованное. Идеология относится к изначально ложной феноменологии понятия. Это отчасти похоже на марксистскую и неомарксистскую традиции суждения о научном, утопическом и идеологическом сознании [Мангейм, 1994; Энгельс, 1948]. Но в случае с Интернетом утопичность и идеологичность приписываются самому объекту, который из утопического превратился в идеологический⁶.

Идеологизация Интернета преимущественно связана не с идеей заговора спецслужб, алчностью корпораций, а с осквернением изначально благого замысла. «Изначально созданный для ученых и исследователей, чтобы свободно обмениваться информацией, Интернет превратился в источник прибыли для предпринимателей и корпораций» [Robinson, 2004]. Такая трактовка опровергает саму новизну современных технологий и ее утопический потенциал.

⁵ Это совпадает со временем расцвета гиков как публичной субкультуры с очень инновационно-привлекательной идеологией (уже не утопией). Гики стали референтной группой для пользователей-неофитов, и этим, в том числе, можно объяснить рождение идеологии из утопии Интернета.

⁶ Конечно, сам по себе объект, т.е. Интернет, не стал и не был утопией или идеологией, а был и остается совокупностью вычислительных приборов и связей между ними. Но общее понятие «Интернет», которое влияет на человека и общество, маркируется как явление либо утопическое, либо идеологическое.

При этом часть исследователей отстраняется от спора между утопистами и антиутопистами, кибероптимистами и скептиками. И в утопии, и в антиутопии «их технологический детерминизм – презентистский, как будто мир начался заново с появлением Интернета, и местечковый – предполагающий, что только явления внутри Интернета подходят для того, чтобы понять его» [Wellman, 2004: 17]. Намерение Веллмана показать, что в исследованиях Интернета обнаруживается переход от утопии к идеологии, можно сопоставить с подходом Манхейма, также разграничивавшего утопию и идеологию. Отличие в том, что Веллман стремится противопоставить ложным утопическим и антиутопическим дискурсам об Интернете социологическую перспективу, которая позволит соотнести онлайн-жизнь и повседневную реальность.

2007–2013 гг.: диверсификация языка и институтов

Следующий период развития исследовательских организаций характеризуется развитием дисциплинарных подходов и возникновением исследований Интернета в общественных науках как отдельной темы. Тематика исследований и подходы к теории и методологии уже хорошо структурированы по темам, и мы можем соотнести их, например, с темами утопий, которые перечисляет Бёрдсэлл [Birdsall, 1996]:

- универсальный доступ к информации;
- интеллектуальная свобода;
- изменения прав на интеллектуальную собственность;
- возможность сбора и распространения правительственной информации;
- сохранение местных и национальных культур;
- роль общественной и частной сферы в обеспечении информацией;
- право на частную жизнь;
- трансформация нематериального труда; последнюю позицию добавляют [Scholz, 2008; Birdsall, 1996].

В противоположность этому появляется ряд понятий, которые влияют и определяют именно идеологическое восприятие Интернета, и основные из них:

- множественность заинтересованных в развитии Интернета (multistakeholderism (мультистейкхолдеризм))⁷;
- мобилизация онлайн-сообществ;
- разные виды электронного правительства и реализации идей прямой и «электронной» демократии;
- рост количества открытых данных и возможностей их использования одновременно как для развития демократии, так и для слежки за населением [Zittrain, 2008].

⁷ Множественность заинтересованных предполагает, что, хотя Интернет не принадлежит отдельным государствам, корпорациям или частным лицам, им нужно управлять и в его управлении должны участвовать все заинтересованные лица. Multistakeholderism – слово, с трудом переводимое на русский язык – считается одной из основных идеологических предпосылок для современной формы управления Интернетом.

При первом рассмотрении исследовательских центров, возникших с 2007 по 2013 г., представляется, что они следуют этим разнообразным направлениям, и большие утопические проекты остаются в прошлом. Однако в отличие от предыдущих лет риторика «Интернета, влияющего на общество» вернулась благодаря политизации общественных движений, с одной стороны, и правительственных действий в отношении Интернета, с другой, а также благодаря диспутам о цензуре, развитии электронной демократии, мультистейкхолдеризме. Эти темы, наравне с утопическими темами трансформации права и данных, являются ключевыми для крупных исследовательских центров, возникших в этот период: Lund University Internet Institute, Alexander von Humboldt Institute for Internet and Society (HIIG), Center for New media and society, Berglund Center For Internet Studies.

Однако основная тенденция в этот период – вновь возникшее и интенсифицированное сращивание математических и инженерных направлений с социальными науками. Начиная с 2007 г. становится очень популярным метод сетевого анализа (SNA). Возможности сетевой работы и сбора больших объемов данных начинают использоваться уже в исследовательских программах: Barabasi Lab, Social Media Information Lab, Information Visualization at Indiana University, RetroV, Center for Networks and Relational Analysis, DataLab. Исследовательские центры начинают объединяться и вырабатывать общие подходы, создавать исследовательские сети, например, The Network of Excellence in Internet Science.

Другой вариант содружества инженеров и гуманитариев связан с развитием лабораторий, посвященных медиа, IT-разработкам и дизайну. Появляются Internet of Things and People Research Centre, Institute for Media Innovation, Metamedia Center (MMC), Tsinghua Art & Science Research Center Media Laboratory. Это продолжает тенденцию предыдущего периода, но сами направления и темы становятся более разнообразными.

В антиутопическом дискурсе по-прежнему наиболее значительное место занимает тема онлайн-угроз и безопасности. В частности в 2007 г. создается Family Online Safety Institute (FOSI). В этом же направлении развивается проблематика Интернета как фактора, который нужно структурировать и ограничивать, чтобы его влияние на пользователей не было разрушительным. В контексте этой проблематики в 2013 г. возникают Media Effects Research Lab и Center for Digital Ethics and Policy.

Заключение

Если наше предположение о наличии в дискурсе об Интернете утопических сюжетов и идеологических понятий верно, мы являемся свидетелями сражения между этими двумя «фабриками значений». Мы предприняли попытку определить наличие утопии и идеологии в исследованиях Интернета, в истории институционализации этого направления, в рефлексии самих ученых относительно своего поля. Установлено следующее:

- Утопия в целом связана с проектом технократического преобразования мира, и утопическими мы называли те подходы, которые касаются улучшения общества с помощью Интернета и сходных с ним технологий.

- В антиутопиях влияние тех же факторов определяется не в оптимистической тональности, а как угроза, представляющая опасность для общества и человека, ведущая к цивилизационному поражению человечества.
- Рождение идеологических конструкций связано с целенаправленным использованием возможностей Интернета разного рода корпорациями – как из сферы IT, так и со стороны тех, кто быстрее других провел цифровую трансформацию своей деятельности (банки, маркетинг, телеком). Согласно идеологической трактовке (критической ее версии), корпорации оскверняют или делают перверсивным то благо, которое содержалось в изначальном замысле утопии Интернета.

На наш взгляд, понятия утопии, антиутопии и идеологии в отношении Интернета помогают систематизировать тематические приоритеты исследовательских центров, увидеть динамику доминант, вокруг которых разворачивается осмысление феномена Интернета. Как показывает анализ, рост влияния Интернета на общество связан не только с ростом численности пользователей, но и в немалой степени с изменением устройства публичного пространства (можно вспомнить панику в медиаиндустрии, царившую в середине 2000-х гг.), с преобразованиями в правовой сфере (дискуссия об авторском праве и пиратском контенте), а также с формированием новых общественных связей и отношений (электронная демократия).

В целом развитие исследовательских центров можно охарактеризовать как движение от утопии сначала к реал-топии, а затем нос-топии – в терминах Д. Ная.

Благодаря развитию самого Интернета как технологической среды, его социализации и институционализации в академической, политической и бизнес-средах одновременно с появлением исследовательских сетей и сообществ произошло разделение общих утопических (и антиутопических) идей на конкретные темы. Например, общая идея о доступности информации специфицировалась в тему конвергентных СМИ, использование новых медиа и IT в управлении, образовании, политике. Возникло множество сюжетов в связи с трансформацией правовой системы, стали рождаться глобальные проекты, такие как информационное общество или открытое правительство.

Спустя 15–20 лет развития Интернета, когда можно было ожидать угасания утопического духа, утопические идеи снова стали возникать как в прикладных проектах по созданию технологической инфраструктуры Интернета, так и в исследовательских центрах академического свойства, где развитие технологий связывается с демократизацией и изменением уклада жизни отдельных социальных групп (например, преодоление технологического исключения) и общества в целом.

Отчасти утопичность исследовательского языка усиливается с ростом математизации исследований. Так, с середины 2000-х гг. в академический язык стало возвращаться не только политическое значение утопии, которое развивалось до этого, но и риторика 1960-х гг. В ней развитие технологий и моделирование мира представляются основным инструментом познания, *равного* изменению. Иначе говоря, предполагается, что с помощью математиков и инженеров мы можем понять и изменить мир. При этом антиподом такой риторики становится антиутопический нарратив, который в случае Интернета либо сплетается с идеологическим (корпорации и правительства не дают произойти позитивным изменениям), либо остается

частью антиутопии (вредные аспекты технологий плохо влияют на семью, детей и цивилизацию в целом). При этом оба этих риторических антипода институционализированы значительно слабее, чем утопии.

Можно было бы ожидать, что критическая теория и критическое мышление, являющиеся частью теоретико-методологического аппарата исследований общественных движений, должны содействовать возникновению большого сегмента текстов с антиутопическими сюжетами и разоблачением идеологий. Однако даже в этой тематической области подобные проблемы почти не упоминаются [Колозариди, Ульдманов, 2015]. И хотя в теории развития технологий и медиа встречается противопоставление идеологии и утопии, из всего разнообразия возможных тем можно обнаружить только тему права (в первую очередь авторского), тему электронной демократии, приватности и публичности, тему открытых данных (так называемые Большие данные).

Вместе с тем рост политической значимости Интернета, социальных сетей и IT-технологий не мог быть проигнорирован со стороны политических институтов (как официальных, так и теневых, связанных с корпорациями), оформляющих и структурирующих идеологические системы дискурса. Идеологизация темы Интернета происходит стремительно, на секуляризацию и профанирование утопии Интернета влияет множество игроков, имеющих вполне понятные прагматичные интересы. Тем не менее в современном языке исследований Интернета, достаточно разноречивом, опирающемся на объективные в своей доказательной базе математические методы, остаются следы утопий, возникших еще в 1960-е гг. и имеющих сильную литературную традицию и мировоззренческие корни.

Литература

- Александр Дж. Сакральная и профанная информационная машина // Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013.
- Богданов А.А. Красная звезда. 1908 [Электронный ресурс]. URL: http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_av/bogd_a01.htm?10/18 (дата обращения: 20.09.2015)
- Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Т.В. Анисимовой. М.: Праксис, 2003.
- Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И.В. Соловьева, Г.Н. Поварова; под ред. Г.Н. Поварова. 2-е изд. М.: Наука – Глав. ред. изд. для заруб. стран, 1983.
- Гумбрехт Х.У. В 1926 году: На острие времени. М.: Новое Литературное Обозрение. 2005. М.: Текст, 1991.
- Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ.; под ред. Я.М. Бергера. М.: Юрист, 1994.
- Маркузе Г. Критическая теория общества: избр. раб. по философии и социальной критике. М.: АСТ; Астрель, 2011.
- Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
- Ньюман Л. Анализ качественных данных // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 101–114.
- Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Уэллс Г. Современная утопия // Завтра: Фантастический альманах. Вып. 1. М.: Текст,

1991.

Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982.

Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Практикс, 2007.

Чаликова В. Настоящее и будущее сквозь призму утопии // Современные буржуазные теории общественного развития. М.: ИНИОН, 1984 [Электронный ресурс]. URL: <http://chalikova.ru/nastoyashhee-i-budushhee-skvoz-prizmu-utopii.html> (дата обращения: 23.06.2015)

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования / Под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя, 2009.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Пер. с нем. М.: ОГИЗ – Изд-во политической литературы, 1948.

Berners-Lee T. WWW: Past, present, and future // *Computer*. 1996. Vol. 29. № 10. P. 69–77.

Birdsall W. F. The Internet and the ideology of information technology // *INET96 Proceedings*. 1996. Т.96.

Brown E. An exquisite platform: Utopia interpretation // *Journal of Social Philosophy*. 1972. Vol. 3. P. 20–31.

Clemens E.S. Toward a historicized sociology: Theorizing events, processes, and emergence // *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33. P. 527–549.

Dutton W.H. The social shaping of digital research // *International Journal of Social Research Methodology*. 2013. Vol. 16. № 3. P. 177–195.

Edge D. The Social Shaping of Technology // *Information Technology and Society* / Ed. by N. Heap. L.: Sage, 1995. P. 14–32.

Flichy P. The imaginary internet: how Utopian fantasy shaped the making of a new information infrastructure // *Business and Economic History*. 2004. Vol. 2. P. 1–11.

Gore A. Infrastructure for the global village // *Scientific American*. 1991. Vol. 265. № 3. P. 150–153.

Graham M., Dutton W.H. [ed.] *Society and the internet: How networks of information and communication are changing our lives*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Herman A., Swiss T. [ed.] *The World Wide Web and Contemporary Cultural Theory: Magic, Metaphor, Power*. Routledge, 2014.

Howcroft D., Fitzgerald B. From utopia to dystopia: the twin faces of the internet // *Information Systems: Current Issues and Future Changes: Proceedings of IFIP WG8.6 Joint Conference*. Chapman & Hall, 1998. P. 49–70.

Keskinen S., Silius H. The moving disciplinary boundaries of research structures and funding. Åbo Akademi University, Finland, 2005.

Kleinrock L. An early history of the internet (History of Communications) // *Communications Magazine, IEEE*. 2010. Vol. 48. №8. P. 26–36.

Krebs R., Wenk S. Current debates about the construction of knowledge in the social sciences and humanities and the impact of these on disciplinization in eight European countries: Comparative Report, 2005.

Leiner B.M., Cerf G.V., Clark D.D., Kahn R.E., Kleinrock L., Lynch D.C., Postel J., Roberts L.G., Wolff S.S. The past and future history of the Internet // *Communications of the ACM*. 1997. Vol. 40. №2. P. 102–108.

Lessig L. *Free culture: How big media uses technology and the law to lock down culture and control creativity*. Penguin, 2004.

Levitas R. Introduction: the elusive idea of utopia // *History of the Human sciences*. 2003. Vol. 16. №1. P. 1–10.

Morozov E. *The net delusion: The dark side of Internet freedom*. Public Affairs, 2012.

Nolin, J. M. *Speedism, boxism and markism: Three ideologies of the Internet First Monday*,

2010

Nye D.E. From Utopia to "Real-topia" – Inventing the Inevitable // European Contributions to American Studies. 2004. Vol. 51. P. 161–172.

Papacharissi Z. The virtual sphere: The internet as a public sphere // New media & society. 2002. Vol. 4. №1. P. 9–27.

Rheingold H. The virtual community. London: Minerva, 1995. P. 61–64.

Rheingold H. The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. MIT press, 1993.

Robinson G. A mythic perspective of commodification on the World Wide Web // First Monday. 2002. Vol. 7. №3

Romanyshyn R.D. Technology as symptom and dream. Psychology Press, 1989.

Scholz T. Market ideology and the myths of Web 2.0 // First Monday. 2008. Vol. 13. №3

Silius H. The Professionalisation of Feminist Researchers // Buikema R., Griffin G., Lykke N. [ed.] Theories and methodologies in postgraduate feminist research: Researching differently. Routledge, 2012. Vol. 5. P. 183.

Simondon G. On the mode of existence of technical objects // Deleuze Studies. 2011. Vol. 5. №3. P. 407–424.

Thackeray G. Ballad of the Electronic Frontier // Computers, Freedom & Privacy, 1991. Proceedings. The First Conference on. IEEE, 1991. P. 217.

Turner F. From counterculture to cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the rise of digital utopianism. University Of Chicago Press, 2010.

Watkins J.E. What may happen in the next hundred years // Ladies Home Journal. 1900. T. 8. URL: <http://www.personal.psu.edu/staff/t/w/twa101/whatmayhappen.pdf> (Дата обращения: 10.10.2015)

Wellman B. The glocal village: Internet and community // The Arts & Science Review. University of Toronto, 2004. Vol. 1(1). P. 26–30.

Wellman B. The three ages of internet studies: ten, five and zero years ago // New Media & Society. 2004. Vol. 6. №1. С. 123–129.

Winner L. Technology today: Utopia or dystopia? // Social Research. 1997. P. 989–1017.

Zimmer M. Preface: critical perspectives on Web 2.0 // First Monday. 2008. Vol. 13. №3.